



*Елена
Архипова*

БЫВШИЕ

Цема ошибки

современный любовный роман

Елена Архипова

Бывшие. Цена ошибки

<https://litres.ru/74394547>

SelfPub; 2026

Аннотация

- А нечего рассказывать, Вов! Всё до смешного банально. Я его любила, ждала, когда меня замуж позовут, а он за моей спиной роман крутил. Подруга детства она у него, прикинь? – я горько рассмеялась, оценив схожесть ситуации. – Вот ты у меня тоже друг детства, и что теперь? Значит, мне с тобой тоже надо переспать? Отомстить, так сказать, да?

- Алька, а я, значит, не подхожу на роль мстителя? - Вовка рассмеялся.

А уже в следующую секунду мои губы накрыли жадные и уверенные губы мужчины.

Ой, мамочки мои! Что же мы делаем?

От автора: Бывшие соперники. Бывшие соседи. Бывшие любовники

У них прекрасное совместное прошлое, им есть что вспомнить. Только вот самое главное ОН не хочет вспоминать, а ОНА не хочет рассказать о том, что связывает их не только общая юность.

Есть ли хоть мизерный шанс на то, что у них может быть не менее прекрасное совместное настоящее и будущее?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	50
Глава 9	56
Глава 10	65
Глава 11	74
Глава 12	81
Глава 13	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Елена Архипова

Бывшие. Цена ошибки

Глава 1

Двумя годами ранее. Владимир.

- Дорогой, я хочу сегодня на ужин поехать в “Аргентину”!

Девушка капризно надула пухлые губки и провела ноготком по моей груди, игриво обвела сосок, и её шаловливые пальчики двинулись ниже на пресс, с явным намеком опуститься еще ниже.

Мне пришлось остановить ее руку и вернуть на свою грудь, прижав для верности сверху ладонью.

Нет, я совсем был не против второго захода, но сейчас меня насторожило название ресторана, что произнесла моя любовница.

- С чего бы, интересно знать, в “Аргентину”, а? Рыба в их меню, как ты понимаешь, не самое популярное блюдо, да и столик там надо бронировать заранее.

- Я знаю, что их специализация – это говядина! И у тебя же там, кажется, постоянная бронь столика, разве нет? – последовал ответ.

- В «Аргентину», так в «Аргентину»! – я поднялся в одно движение с кровати, бросил, не оборачиваясь:

- Я в душ!

Встав под струи воды, потянулся за гелем для душа. Намывивал свое тело, смывая с себя слишком приторные духи своей любовницы, а в голове крутились её слова о постоянной брони столика в любимом ресторане.

Я сам красавице, что сейчас томно возлежала на кровати и игриво прикрывала свои прелести простыней, не рассказывал об этом. А она о ней как-то узнала.

Плохо! Очень плохо! Это говорило о том, что я, Владимир Григорьевич Чернов, стал предсказуем.

- Старею, что ли? – усмехнулся своему отражению в зеркале и потянулся за халатом.

Спустя час мы сидели в ресторане, известном среди ценителей стейков из аргентинской говядины, за тем самым столиком, что здесь всегда держали для меня, и я с удивлением наблюдал за красивой женщиной, сидящей напротив. Красавица с удовольствием поглощала стейк из мраморной говядины и запивала его не полагающимся к мясу бокалом вина, а водой без газов, но зато с лимоном.

Ничего странного, конечно, в том, что женщина ест нежнейшее мясо, не было. Но это только если не знать, что до сегодняшнего дня мясо красавица не ела.

Совсем.

В моем присутствии — так точно ни разу.

Как, впрочем, и никогда не брала на ужин воду с лимоном, предпочитая французские вина.

А еще мой взгляд цеплялся за ее грудь. На любовнице был надет тонкий обтягивающий бадлон. Нет, и с бадлоном, и с аксессуарами к нему все было в порядке – и цвет ей шел, и фигура позволяла себя обтягивать, демонстрируя отсутствие лишних накоплений.

Не в порядке было только с её бюстгалтером, что она сегодня надела – из его чашек тяжелая силиконовая грудь красавицы почти вываливалась, намекая на то, что с размером нижнего белья женщина ошиблась.

- Боже, какое же здесь вкусное мясо! – выдала красавица, прожевав последний кусочек.

- Я в курсе, - кивнул и поднял руку, подзывая официанта. – Кофе у них тоже хорош.

- Нет! Мне кофе нельзя! Я буду чай! – удивила спутница своим новым предпочтением в выборе напитка.

Официант ушел, приняв заказ, а женщина, загадочно улыбаясь, потянулась к своей сумочке. Она еще ничего из нее не достала, а я уже понял, вернее, догадался о том, что она сейчас мне скажет и даже что достанет из недр своей брендовой сумки.

Мне резко стало скучно, и второй раз за сегодняшний вечер промелькнула мысль: «Старею, что ли?»

Тем временем дама вытащила нарядную плоскую коробочку и, глядя в мои глаза с искусно изображаемой радостью, протянула мне со словами:

- Дорогой, у меня для тебя подарок!

Я открыл её и усмехнулся. В общем-то, я уже знал, что там увижу, а потому и не удивился - в коробочке лежал тест на беременность с двумя параллельными полосками в соответствующем окошке.

- Bravo! – захлопнул коробочку и даже хлопнул пару раз в ладоши. - Смотрю, ты хорошо подготовилась!

Я замолчал, так как к столику подошел официант с заказанными напитками.

- Принесите счет. Оплата наличными, - обратился к официанту.

Парень ушел, а красавица сидела со злым выражением на лице.

- Я сказала, что жду ребенка от тебя, а ты говоришь: «Bravo. Хорошо подготовилась»? Чернов, ты думаешь, что я вру тебе?

- Я не думаю. Я это знаю!

- Ваш счет! – официант положил на стол плоскую деревянную коробочку, в которой лежал счет за ужин.

Я невольно усмехнулся, отметив мысленно то, что две коробочки почти похожи, впрочем, нет, это мне только казалось. Та, что преподнесла мне любовница, была бархатной, эта, со счетом внутри, была из дерева, и единственное, в чем они были схожи, это форма и размер.

Глянув на счет, вложил деньги, добавив приличные чаевые для официанта – парень работал быстро и подходил к нашему столу по первому требованию, так пусть хоть у него

сегодня будет приятный вечер.

Я первым поднялся из-за стола и протянул руку девушке, бросил короткое:

- Поехали!

- Куда? – красавица отчего-то вдруг испугалась и вцепилась в свою сумочку двумя руками.

- Не переигрывай! Что за работа на публику? – я усмеялся. - Или ты так вошла в роль, что уже не остановиться? В клинику поехали! Сдашь анализ крови, и все.

- Они уже не работают, - попыталась было возразить мне красавица.

- Поверь, эти работают круглосуточно! - заверил я её.

Высадив рыдающую девушку у ее дома через полтора часа и не слушая её бормотания о том, что она меня любит и просто хочет за меня замуж, я бросил своему безопаснику, что сидел сегодня за рулем:

- В тир!

Хотелось выпустить пар и пострелять.

- Скажи мне, Павел, может, я старею? – обратился с мучающим сегодня меня вопросом к верному охраннику. - Что-то участились наши с тобой поездки в эту лабораторию, не находишь? В этом году третий раз приезжали.

- Четвертый! – прозвучала лаконичная поправка.

- Да? – я удивился, а потом вспомнил всех предыдущих соискательниц на роль моей жены по залёту и согласно кивнул:

- Да, точно! Четвертый! Старею. Слушай, а поехали на наши озера, а?

- Сегодня? – не удивился, лишь уточнил Павел.

- Нет, сегодня уже поздно. Пока долетим, потом пока доедем. Ночь на смарку. Давай завтра, с утра. Предупреди Степаныча, чтоб самолет к семи подготовил. Сегодня мы с тобой в тире душу отведем!

Павел опять кивнул, принимая мой ответ.

- Нет, ну ты смотри, как подготовилась, а? И вкусовые предпочтения-то у нее поменялись, и вина-то она не пьет! Даже ведь бельишко на размер меньше натянула, пытаюсь убедить меня в том, что грудь у нее увеличилась! Какая продуманная дама оказалась, да?

Павел лишь хмыкнул.

- А вот то, что она знала о постоянной брони для меня в «Аргентине» – это уже совсем нехорошо, Паша! Совсем...

- В «Глории» стейки хорошо готовят, я слышал, что они шеф-повара нового наняли, - подал голос Павел.

- Да? Хорошо, попробуем. Договорись там о столике для меня.

Он вздохнул и кивнул.

- Черт! Надо личную помощницу искать, а то ты у меня уже на все руки от скуки! Но как представлю опять этот кастинг, аж тошно становится, веришь?

На этот раз Павел позволил себе короткий смешок, вспомнив претенденток, являющихся на собеседование.

- Смешно ему! – хмыкнул и я. - Пошли уже! Спорим, что я сегодня сделаю тебя?

- Десять из десяти! – последовал лаконичный ответ охранника на это заявление.

- Да легко! - рассмеялся, предвкушая свою победу.

Дорогие мои!

Рада приветствовать вас в долгожданной книге о Владимире Чернове. Знаю, что те из вас, кто давно знаком с моими книгами, ждали историю об этом загадочном и сильном мужчине.

С этим загадочным мужчиной мы встречались на страницах вот этих книг: "Научи меня жить" "Развод в подарок"

Глава 2

Двумя годами ранее. Аля

Я бежала по дорожке, проложенной для гуляющих вдоль берега озера, бежала, сколько было сил.

Хотелось скрыться, забыть увиденную картинку из фильма для взрослых. Картинку, где мой несостоявшийся жених и его подруга детства занимаются сексом.

Кровать в арендованном мною на все выходные коттедже скрипит, рискуя развалиться, под двумя полными, да чего уж там, бегемотоподобными людьми.

Круто! Шикарно просто! Такого дня рождения у меня точно еще ни разу не было! Вот его я точно на всю оставшуюся жизнь запомню!

В ушах еще стоял крик Жеки:

- Алька, остановись! Ты всё не так поняла!

И мерзкий смех его напарницы для секса вторил его крикам.

Конечно, я всё не так поняла! Они ведь чисто по-дружески там, на нашей с ним кровати, обнимались, ага!

И раздеты они были лишь наполовину. На ту самую, что пониже пояса. Ничего такого! Только секс! Ах, да, Жека же именно это и кричал мне вслед.

Поняв, что задыхаюсь, я перешла на шаг. Слезы лились по щекам, рыдания рвались из груди.

Обида и злость klokотали вулканом. От жалости к самой себе мне хотелось кричать.

Господи, как же я была наивна и глупа. Где были мои глаза? Как я раньше не замечала очевидного? Да они же всегда с этой, мать её, Оксаной, заигрывали на грани допустимого.

Я ведь еще вчера мечтала выйти за этого человека замуж! Да, мечтала, и даже была уверена в том, что Жека сегодня, при наших с ним друзьях, сделает мне предложение.

- Господи, ну какая же я дура была все эти годы! Мне сегодня исполнилось тридцать три, а я до сих пор верю в любовь и нерушимый брак.

Дорожка, проложенная вдаль озера и проходящая среди сосен, вдруг вывела меня на пляж.

Вот ведь загадка природы: и ветра нет, и волн нет на озере, а вода о берег все равно тихо плещется. Огромное озеро словно дышало, отдыхая от людей и их игр на своих берегах и водах.

Я сошла с дорожки на песок. Вода тихо плескалась о берег, набегая небольшими волнами, и мне вдруг остро захотелось войти в неё босыми ногами.

Ночь была ясной и теплой. Хотелось, конечно, искупаться, а не только ножки помочить, но под платьем я была в одних трусиках, и уж точно не в купальных.

Ночь, конечно, но мало ли еще кому-то взбредет в голову выйти на берег озера, хотя бы вон и из того дома, что стоял тут неподалеку, а тут я, вся из себя прекрасная и без белья.

Нет уж! Хватит с меня на сегодня позора.

Я сняла балетки и, оставив их на песке, шагнула в прохладную воду озера. Замерла, глядя на нереально красивую картину, открывшуюся передо мной во всем своем великолепии. Чистое звездное небо, восходящая, а потому огромная, полная луна и спокойная гладь озера. В воде как в зеркале отражались и все до одной звезды, и огромная яркая луна.

Я вздохнула полной грудью, глядя на эту картину, и медленно выдохнула:

- Полнолуние. Осталось только доброго и порядочного оборотня встретить, - усмехнулась своим словам и продолжила странную мысль, глядя на эту нереально красивую Луну:

- Потому что сволочного оборотня по имени Жека я уже сегодня повстречала. Теперь должен быть в противовес ему хороший. Вселенная, слышишь? Хочу встретить доброго и порядочного! Можешь ты хотя бы одно моё желание исполнить? Хотя бы сегодня, в день моего рождения?

Эх, вот не зря же говорят: бойтесь своих желаний!

Словно бы в ответ на свои слова я услышала за спиной мужской голос:

- Павел, отвали! Нет здесь никого! Нету! Твоими же стараниями и нету! Упс! Прости, друг! Соврал я тебе! Здесь, кажется, русалка есть! Все, не мешай прикасаться к былинам.

Я резко обернулась на голос мужчины. Увидев, что он го-

ворит по телефону и идет в моем направлении, вышла из воды. Наклонилась, подхватила свои балетки и уже шагнула на дорожку, решив, что потом, когда ноги высохнут, обуюсь. Натереть мозоли пусть и удобными, но обутыми на мокрые ноги балетками мне совсем не хотелось. Потому как сегодня мне еще только мозолей для полного счастья и не хватало.

Мужчина, вышедший на берег, уже был нетрезв, но держал в руке почти полную бутылку водки. Судя по всему, отпитое из бутылки было не единственным, что он употребил. Пьяных я не любила. Нет, не так. Боялась.

- Девушка! Куда же Вы? - раздалось мне в спину.

Я замерла – голос мужчины, пусть и нетрезвого, был мне знаком.

Боясь ошибиться, я медленно развернулась и всмотрелась в его лицо, а потом облегченно выдохнула:

- Вовка! Вовка-морковка!

Мужчина сначала замер, а потом подошел в два шага и удивленно произнес:

- Алевтина, ты? Точно, ты! Алька!

В следующую минуту меня обхватили в захват крепких рук и даже приподняли от земли.

- Алька! Вот уж сюрприз, так сюрприз!! – Вовка рассмеялся.

- Вов, ты меня сейчас задушишь! – просипела я в его руках.

О чем думали родители, давая мне имя Алевтина?

Правильно, о чем угодно, только не о том, как я буду жить с таким именем в современном мире.

Так бывает, когда твое имя тебе не подходит совсем.

Я, со своим ростом в сто шестьдесят сантиметров и весом в пятьдесят килограмм, на “Алевтину” не тянула. Совсем.

Ну согласитесь, когда вы слышите «Алевтина», то перед глазами встает корпулентная дама как минимум в два раза толще и выше сантиметров на двадцать.

К тому моменту, когда я выросла, отучилась в ВУЗе и пришла работать на завод в отдел бухгалтерии, даже имя «Аля» уже звучало странно. Но это все равно было лучше, чем Алевтина.

Вовка аккуратно поставил меня на песок, улыбаясь во все свои тридцать два пьяной улыбкой, и засыпал меня вопросами:

- Ты как здесь оказалась, пичужка? Ты одна, что ли? Тоже отдыхаете? Празднуешь?

А вот это было неожиданно: неужели он помнил о том, что у меня сегодня День рождения?

- Вов, а ты помнишь, что ли? – спросила удивленно.

- То, что у тебя сегодня День рождения? Конечно, помню! Седьмое июля. Седьмое ноль седьмое!

- Агент “семьдесят семь”! – рассмеялась, вспомнив одно из прозвищ, что он дал мне когда-то в далеком детстве.

Сейчас, рядом с бывшим соседом по подъезду, я вдруг опять почувствовала себя маленькой девочкой Алей. Ма-

ленькой в прямом и переносном смысле, потому что мужчины, что стоял напротив, я едва доставала до подмышек.

Впрочем, нет, как минимум одно отличие всё-таки имелось: сегодня на меня смотрели совсем не как на маленькую вредину.

Сегодня я ловила на себе внимательные и заинтересованные взгляды шикарного мужчины. Мать моя женщина! Да это ж ходячий тестостерон, а не мужчина!

Все мои детские обиды куда-то вмиг улетучились, и похоже, что не только у меня. Я чувствовала его взгляд на своих губах. Буквально!

Внизу живота подозрительно запульсировало желанием, грудь потяжелела, а трусики, к моему стыду, вмиг промокли...

Глава 3

- Ну что, выпьем за твое совершеннолетие? За твои двадцать один? – коварно, в своей манере, прищурился и качнул в мою сторону бутылкой Вовка.

Я не пила водку. Да, если честно, я и вообще редко пила. Если только вино, максимум пару бокалов за вечер. Жека вот как раз именно в том, что я не умею расслабиться, читай, пить, и обвинял меня.

Вспомнив сейчас и Жеку, и пышнотелую Оксану, я протянула руку к бутылке, что предлагал мне тот, кого в далеком своем детстве я, дразня, называла “Вовка - морковка”. Мужчину, стоящего передо мной, язык уже не поворачивался называть этим прозвищем.

Владимир помедлил пару секунд, рассматривая, а по факту, сканируя меня тяжелым взглядом, но все-таки отдал мне выпивку. Я взяла ее и, не давая себе время на передумать, присосалась к горлышку, словно это был не крепкий напиток, а сладкая газировка. Оторвавшись от бутылки, резко выдохнула, словно заправский пьянчужка.

- Та-а-а-ак, - протянул Владимир, увидев все это, затем отобрал бутылку из моих рук и, крепко ухватив меня за локоть, скомандовал:

- А ну-ка, пошли!

- Куда? – попыталась уточнить и даже упереться пятками

в песок, но слишком уж в разных весовых категориях мы с ним были, а потому из моего сопротивления, понятное дело, ничего не вышло.

- Сначала вон на бревно, - он кивнул куда-то в темноту, - потом видно будет!

Я вздохнула и покорно шагнула за ним в указанном направлении. Безропотно опустилась на лежащее здесь огромное, не замеченное мною ранее, бревно. Владимир сел рядом и сделал из бутылки жадный глоток.

А я, опустившись на бревно, поняла, что встать с него сама уже не смогу, алкоголь ударил в голову, делая ноги и руки ватными.

Я подергала ставшими вдруг чужими руками и глупо хихикнула, потом привалилась к плечу сидящего рядом друга детства и не менее глупо протянула, улыбаясь:

- Во-о-о-о-вка – морковка! Как же я рада тебя видеть.

- Алька, я жду! – напомнил Владимир и собственнически закинул руку на мои плечи, устраивая, прижимая к своему горячему и крепкому телу, окутывая меня запахом своего дорогого парфюма, смешанного с запахом собственного тела.

Я всегда была худенькой, а он всегда был крепким и накачанным. Оказавшись сейчас прижатой к боку мужчины, чье плечо тяжело легло на мои плечи, а предплечье, увитое венами, и кисть со сбитыми костяшками оказались у меня перед глазами, усмехнулась и обхватила его крупную кисть

своим ладошками.

Вовка неожиданно переплел наши пальцы, обхватив сразу обе мои ладони. Жест получился довольно интимный, но мне не было стыдно от этого.

Мне сейчас было тепло и уютно рядом с ним. Мне было надёжно. Мне было хо-ро-шо...

Мы сидели лицом к озеру, смотрели на воду и молчали.

- А нечего рассказывать, Вов! – я вздохнула полной грудью, от чего его рука, лежащая на моих плечах, качнулась.
- Всё до смешного банально. Я его любила, ждала, когда он меня замуж позовет, а он за моей спиной роман крутил. Ведь я же сама ее и пригласила сюда, на озеро, на свой день рождения! Подруга детства она у него, прикинь? – я горько рассмеялась, оценив схожесть ситуации. – Вот ты у меня тоже друг детства, и что теперь? Значит, мне с тобой тоже надо переспать? Отомстить, так сказать, да?

- А я, значит, не подхожу на роль мстителя? – он хохотнул и прижал меня сильнее к своему мощному боку. – И в чем только душа-то у тебя там держится, пичужка? Как была мелочь, так ею и осталась.

- Я уже не мелочь и не пичужка! Не всем же вот так, как тебе, и вширь, и ввысь расти! А мне сегодня, между прочим, тридцать три исполнилось, и даже грудь у меня все-таки выросла! Вот! – я, вспомнив очередную его дразнилку, попыталась выпятить грудную клетку и глупо хихикнула.

- Правильно! Тебе не надо! Ты ведь не мужик! – Владимир

опять отхлебнул из бутылки, но мне больше не предложил.
– Расскажи хоть, как жила-то все эти годы, мелочь?

- А Жеке, похоже, именно широкие и высокие нравятся!
– выдала, тяжело вздохнув, вспомнив увиденную, пусть и мельком, картину.

- Вот только не говори, что он там с мужиком кувыркался!
- Ой, Вова! Фу-у-у! Нет, слава Богу! Чем ты слушал? Говорю же тебе: она его подруга детства! Рыжа, толста, сисяста!
– я вздохнула. - Уж лучше бы он там с мужиком был, честное слово! Может, мне не так обидно было бы, как думаешь?

Вовка хмыкнул и отрицательно мотнул головой:

- Сомневаюсь.

- Думаешь?

- Уверен! – сказал, словно отрезал. - Вы с ним поругались, что ли?

- Нет. Всё шло своим чередом. День рождения, гости, шашлыки, много пива, потом уже покрепче пошли напитки. А потом все незаметно разбрелись, а я не хотела оставлять мусор на столе и собирала одноразовую посуду в мешок. Потом пошла в наш домик, а там они... На нашей, пусть и только на выходные, кровати...

- Урод, - процедил сквозь зубы Владимир, добавив пару крепких ругательств.

Я кивнула, соглашаясь со всеми эпитетами, коими награждал моего несостоявшегося жениха мой друг детства. И меня словно прорвало:

- Знаешь, я только и слышала все эти годы:

- *Алька, ты не умеешь расслабляться!*

- Да! Не умею, потому что не умею пить.

- *Алька, ты гремишь костями!*

- Да! Гремлю! Но я же не виновата в том, что вес у меня не прибавляется.

- *Ты слишком экономна, как нищевродка!*

- Это потому что в магазин хожу со списком продуктов, и да, зарплата у меня не миллион в месяц!

- *Слишком чистоплотна! С тобой живешь, как в операционной!*

- Это потому что не позволяю разбрасывать по квартире вещи, а еще полы мою каждый день. Полы, кстати, не только у себя мою. К отцу твоему, дядь Грише, тоже через день хожу. Впрочем, это к делу не относится, прости. Это я так, - поняв, что сболтнула лишнего, замолчала.

- Что?

Владимир, расплетя наши с ним пальцы, положил свою большую и горячую ладонь мне на шею и заставил повернуть лицо к своему и посмотреть на него. Сделал он это легко, лишь надавив большим пальцем на мою скулу.

- Ты ходишь убираться к моему отцу?

Я, ругая себя мысленно за то, что проговорила, закусила губу и попыталась отвернуться.

Да кто бы мне дал сделать это? Куда уж мне было тягаться с тем, кто был почти в два раза крупнее?

Не толще, как Жека, а именно крупнее. Сидя сейчас у друга детства в захвате, будучи прижата к его боку, я всем своим телом чувствовала его твердые мышцы. Поняв, что моё лицо не выпускают из захвата, я не придумала ничего лучше, как просто закрыть глаза. Закрыть, чтобы не видеть его так близко.

- Аля, я жду! — напомнили мне. — Зачем ты моешь полы в квартире моего отца? К нему же приходит клининговая компания раз в две недели.

Я упорно продолжала молчать.

А что я должна была сейчас сказать ему? Что когда его отец срывается в запой, то к нему, кроме его дружков-собутельников, никто не приходит? Рассказать это и подставить ту женщину, что элементарно не хочет убирать пьяные испражнения не только хозяина квартиры, но и его дружков? Нет! Такое точно не стоит говорить! И я отрицательно затрясла головой.

Того, что произошло в следующую минуту, я совершенно не могла ожидать. Меня, словно бы я совсем ничего не весила, уверенно подхватили сильной крепкой рукой и перетащили на такие же крепкие колени, усадив так, что я оказалась сидящей к мужчине лицом.

От неожиданности я распахнула глаза и даже уже открыла рот, чтобы возмутиться действиями этого самоуверенного хама, но стоило мне увидеть его лицо в опасной близости от своего, я предпочла вновь закрыть глаза. А уже в следую-

щую секунду мои губы накрыли жадные и уверенные губы мужчины.

Ой, мамочки мои! Что же мы делаем?

Владимир целовал совсем не так, как Жека. Поцелуи того, кого я считала другом детства, были требовательными, напористыми, но при этом аккуратными. Он будто боялся сделать мне больно.

Целоваться с Жекой я не любила. Это было странно. Я и сама это понимала.

Ведь несколько лет же жили вместе, я любила его, мечтала о том, чтобы он замуж меня позвал, но его поцелуи мне не нравились. Вот не нравились и все тут! И ничего я не могла с этим поделать!

Жека был первым и единственным мужчиной в моей жизни.

До сегодняшнего момента я даже не думала, не знала, что целовать можно и по-другому. Вот так: жадно, требовательно, аккуратно.

И я, к своему стыду, осознала, что когда тебя целуют вот ТАК, то мне нравится целоваться!

Да! Мне нравились поцелуи другого мужчины - сильные, напористые, нежные. А потому лишь спустя несколько секунд я поняла, что отвечаю на эти жадные поцелуи не менее жадно и требовательно.

То, как было снято моё платье и его футболка, я не помнила. Очнулась, лишь когда он прошептал, подхватив меня

на руки и вставая с бревна, на котором сидел:

- Мой дом в трех шагах. Хочу тебя, пичужка, так, что аж зубы сводит!

Выпитый алкоголь тому виной, его поцелуи или обида на Жеку, но я дала себя отнести в дом. И если судить по тому, что в доме мы оказались подозрительно быстро, то он и правда был в трех шагах.

На мое счастье или на беду, это как посмотреть, нам никто не встретился по пути.

Не могла я тогда знать того, что и не мог нам никто встретиться. Владимир принес меня не на такую же базу отдыха, на которой мы отдыхали и праздновали, и которых было полно на берегу озера, а принес он меня на территорию собственного участка, в свой собственный дом.

То, что произошло потом между мной и Владимиром, заставляло мои щеки полыхать огнем всякий раз, едва я вспоминала, что творилось там, в его спальне и в его доме.

Как тут было не вспомнить все того же Жеку с его обвинениями и не признать его правоту? Вот же, пожалуйста: выпила и получила такой крышесносный секс и такой оргазм, что мне самой потом еще долго было и сладко, и стыдно.

Нет! Неправильно это все! И я неправильная! Моей подруге Ниночке не нужен алкоголь, чтобы вот так же кричать под своим Колюней. Подруга сама рассказывала, смеясь, что соседи, те, с которыми у них общая стена спальни, косятся на них с недовольными физиономиями. А все потому, что

ее Колюня ненасытен и хочет ее каждую ночь. Он хочет, а подруга кричит.

У меня самой такого секса не было. Ни разу. До сегодняшней ночи.

Не могла я знать в ту ночь и того, что кто-то наблюдал за нами из тени деревьев. Мужчина благоразумно не показался нам на глаза и своего присутствия не выдал.

Едва Владимир со мной на руках ушел с пляжа, мужчина вышел из тени, собрал наши вещи и уже шагнул на деревянный настил, ведущий в том же направлении, как под его правой ногой что-то хрустнуло. Мужчина замер, потом аккуратно достал из кармана телефон, активировал на нем фонарик, стараясь не переносить вес с правой ноги на левую, наклонился, подсвечивая на доски дорожки под правой ногой. Из-под его летней туфли торчал краешек красного перышка.

- Что за...? – он аккуратно убрал ногу и увидел пучок из перьев и каких-то бусинок на тонком металлическом крючке.

Он усмехнулся:

- Современные Золушки теряют не только туфельки и платье, но еще и сережку ручной работы.

Всё это мне расскажут потом, спустя несколько лет...

Глава 4

Владимир.

Наши дни.

- Володь, мне неприятно тебе это говорить, но если ты не изменишь свой образ жизни, то о сроке, который я тебе ранее называла, не может быть и речи, - Галина закончила набирать текст в компьютере и перевела, наконец, взгляд на меня.

С Галиной Рымовой мы знакомы последние полгода. И познакомились исключительно “благодаря” моей головной боли и потере сознания за рулем. Хорошо, что это случилось уже на парковке, и хорошо, что сама Галина сидела в этот момент в своей машине, рядом с которой я и припарковался так удачно.

- Док, ты обещала мне год, - зачем-то напомнил Галине её же слова.

- Я не господь Бог, чтобы решать, сколько и кому осталось жить! - отрезала она решительно. Вот за что я её уважаю, так это за то, что она не позволяет себе унижать меня жалостью и сочувствием.

- Но ты обещала! - продолжаю давить на своего лечащего врача авторитетом.

- А ты обещал, что пересмотришь своё расписание, свой образ жизни, и даже обещал соблюдать диету! Не надо сейчас рычать на меня, Чернов! Я не твой подчиненный и уж

совершенно точно не твоя жена! - летит мне в ответ от Галины. - Чернов, не можешь соблюдать все требования сам, найми специально обученного человека!

- Намекаешь на сиделку? - все-таки срываюсь я и психую.

- Если не изменишь свой распорядок - сиделка появится в твоей жизни раньше, чем ты думаешь! - не ведется Галина на мои психи и демонстративно откидывается на спинку своего кресла.

- Всё так плохо, Галь?

- Володь, всё хуже, чем я надеялась. Самое время задуматься о наследнике. Хоть будет, кому передать бизнес.

- Сколько? - не уточняю, о чем именно спрашиваю. Но ей этого и не требуется:

- Этого никто не знает, Володь. Аневризма тем и страшна, что никак не проявляет себя. По своей природе - это мина замедленного действия. Рванет, когда не ждешь.

- Тогда какой смысл что-то менять, если всё равно рванет? - усмехаюсь я и все-таки тянусь рукой к своему левому виску — именно там сейчас пульсирует боль.

- Тогда какой смысл жить, если мы всё равно все умрем? - парирует Галина. - Ты знаешь второй вариант.

- Операция?

Галина кивает.

- Нет! Я не хочу потом лежать овощем! - отмечаю этот вариант решительно.

- Володь, откуда такая уверенность в том, что непременно

после операции будешь овощем? Что за пессимизм? Ты будешь далеко не единственный, кого успешно прооперируют. Я найду тебе лучшего нейрохирурга.

- Я сказал — нет! - опять срываюсь.

- Не кричи на меня! Иначе я сейчас позову охрану, - спокойно произносит эта красивая женщина и даже едва заметно улыбается.

- Считай, что охранник, точнее, тот, чья фирма предоставляет твоей клинике такие услуги, уже перед тобой! - поддерживаю её настрой.

- Тогда транспортируй сам себя из моего кабинета! Устроил мне тут истерику, как ребенок, ей Богу, - неожиданно рывкает мне та, кто всегда сдержанна и холодна с пациентами, да и вообще по жизни, как я уже понял. А Галина, не давая мне опомниться от ее напора, добивает:

- Взрослый мужик, а боишься лечь под скальпель профессионала.

На стол передо мной ложится тонкая папка, и тут же следует пояснение Галины:

- Я знала, что ты упертый баран, а потому вот, знакомься: Давид Львович Аберштейн. Молодой, успешный, самый лучший.

- Молодой?

- По меркам медицинских светил — да. Но потому у него и такие высокие показатели успешных проведенных операций. Он не боится новых тенденций и не боится рисковать, -

увидев мой возмущенный взгляд, Галина поднимает руку в предостерегающем жесте:

- Любая операция - это риск. А уж операция на мозге - и подавно.

Телефон в моем кармане завибрировал входящим звонком, я, не глядя на Галину, (знаю, что она этого не любит) сбросил вызов и быстро набрал короткое: "Перезвоню". Вернул телефон на место и только после этого сдался на ее уговоры:

- Хорошо, я подумаю. Но сначала решу один вопрос, не терпящий отлагательств, - я подтянул к себе папочку, что кинула мне Галина, и поднялся со своего стула.

- Нет, ты меня совсем не слышишь! Я ему про Фому, а он мне про Ерёму. Опять работа! - свирепеет Галина, видимо, решив, что мой внезапный уход связан с последним звонком.

- Галь, я тебя услышал. И нет, это не работа. Дела семейные, - видя, что она удивлена, но вопроса не задает, пояснил сам:

- Отец. Перевезу его к себе. Он у меня инвалид-колясочник, да еще любитель на пробку наступить.

- Ой, - Галина растерянно выдыхает, - я не знала, ты никогда не говорил.

- Никто не знает, - удивил сам себя тем, что откровенничаю сейчас с ней. - Нет, так-то он хороший человек, но вот силы воли у него нет совершенно. Мой отец алкоголик, - озвучиваю то, что давно уже для себя признал, - из тех, что

уходят в запой на несколько дней.

- Извини, - удивляет меня Галина и своим извинением, и сочувствующими интонациями, что звучат сейчас в ее голосе.

- Тебе не за что извиняться, Галь. Ты видела меня изнутри, у тебя есть фото моего мозга, так что уж такую подробность моей личной жизни ты точно сохранишь в секрете, - пытаюсь пошутить и зачем-то поясняю:

- Съезжу за отцом, перевезу этого, упертого как сто ослов сразу, единственного члена своей семьи к себе, приставлю к нему няньку, и вот тогда я буду открыт для экспериментов твоего молодого, но талантливого дарования.

- Не моего, - Галина, в свою очередь, удивляет меня промелькнувшей вдруг печальной улыбкой, - не затягивай с этим, Володь.

- Галь, скажи честно, насколько все плохо? Она увеличилась? Мне пора писать завещание?

- Да, она увеличилась. Если есть возможность подготовить бумаги, подготовь, как минимум сам выберешь, где и как тебя хоронить.

Ох уж этот мне их врачебный юморок! Но надо признать, что это держит меня в тонусе!

- Однако, Володь, позволь сказать тебе начистоту: я на твоём месте предпочла бы довериться Давиду и лечь под его скальпель.

Глава 5

Владимир.

- Вовка, паразит! Положь, где взял! У меня нет денег на всякую ерунду!

Я, услышав этот окрик, резко обернулся. Голос, который заставил меня непроизвольно дернуться, до противного был похож на голос моего отца.

Мужичонка, худой и плюгавый, выговаривал это пацану лет семи, держащему в руках маленькую машинку.

Парни-охранники закрутили головами, среагировав на моё резкое движение. Не увидев никого, представляющего опасность, мысленно выдохнули, я точно это знал. Знал, потому что когда-то сам так же себя вел. Когда-то, в бытность свою таким же профессиональным охранником.

Я глянул на дно тележки, что толкал перед собой. Толкал сам. Ну блажь у меня сегодня такая – сходить в магазин самому! На дне лежали три вида сыра, горький шоколад и бутылка белого сухого вина. Из этого набора я сам ел разве что сыр. Шоколад не ел, алкоголь не пил. Совсем. Вот уже почти два года не пил.

Никто из моего окружения, включая Кристину, не знал истинных причин такого строгого воздержания.

Хотя нет. Оговорочка: Павел, начальник моей охраны, точно знал истинную причину отказа от алкоголя. Впрочем,

Павлу положено, работа у него такая – все знать о своем шефе.

- Павел, звони Егорычу, пусть самолет готовит и маршрут домой запрашивает, - кинул вполголоса фразу, уверенный в том, что тот, кому она предназначалась, совершенно точно услышал его и понял.

Павел, не отличающийся многословностью, полез во внутренний карман пальто за телефоном.

Я свернул к кассам и уже там увидел и того плюгавого мужичонку, и его сына. У мужика в корзине лежала бутылка водки, пачка пельменей и хлеб. Машинки в ней не было. А вот карман у мальчишки подозрительно оттопыривался, это наводило на вполне конкретный вывод: в кармане лежит та самая машинка.

Я шагнул к мальчику, глядя только ему в глаза и совершенно игнорируя его папашу, которого охрана оттеснила от нас, присел на корточки перед ребенком и произнес:

- Парень, никогда так не делай! Никогда! Мужик ты или кто? Хочешь чего-то, но те, от кого зависишь, не дают тебе этого? Значит, не надо оно тебе. Поверь, я знаю, о чем говорю. Вырастешь – сам купишь. Больше, дороже, красивее. В этой жизни только на себя можно надеяться. А так тебя сейчас вон тот жирдяй в форме охранника поймает, батя потом дома отлупит так, что сидеть не сможешь, а машинку все равно отберут. Надо оно тебе?

Мальчишка опустил глаза и помотал отрицательно голо-

вой. То, что он покраснел, выдавали его оттопыренные уши - они полыхали огнем.

- Правильно. Не надо! Умей управлять своими желаниями и хотелками, и тогда прорвешься на самый верх. Запомнил?

Мальчишка утвердительно кивнул.

- А сейчас давай ее сюда.

Я протянул к мальчику руку ладонью вверх и кивнул на его оттопыренный карман. Он послушно вытащил из кармана злосчастную машинку. Я, глянув на цену игрушки, выматерился про себя и перевел взгляд на папашу мальчика, сунув ему под нос злосчастную машинку:

- Деньги есть на игрушку для сына, или у тебя только на выпивку всегда есть?

- Есть, - буркнул, зло буравя взглядом сына, мужичок.

- Правильно! Дети – наше все. Ему еще потом тебе в старости, если, конечно, доживешь, твои ссанные штаны менять и блевотину твою же отмывать. Помни об этом! А ещё уясни уже наконец, что никому, ни одному твоему собутыльнику ты не будешь нужен потом, когда будешь в своем гадюшнике с отрезанными ногами лежать. А знаешь, почему с отрезанными?

Мужик обалдело мотнул головой.

- Потому что отмороженными вот так вот, по пьяни, они у тебя будут, и тебе их ампутируют! Запомни это и сына своего не обижай! Я узнаю это, поверь!

Папаша судорожно сглотнул, а я бросил через плечо, об-

ращаясь к верному Павлу:

- Адрес у него узнайте и поставьте на контроль.

- Сделаем! – прозвучало на этот раз в ответ.

Я кивнул и шагнул в кассу, заплатил за свои покупки и уже потом глянул вопросительно на Павла.

- Можем ехать в аэропорт. Егорыч сказал, что будет готов через два часа. Как раз, пока домой заедем, пока вы, - Павел замялся, не зная, как сказать мне то, о чем подумал, поэтому передумал и, не озвучив свою мысль, закончил:

- Пока до аэропорта доберемся, как раз два часа и пройдет.

Я понял, что хотел сказать мне мой безопасник. А хотел он сказать, что дома Кристина закатит мне скандал, когда услышит о предстоящей поездке в мой родной город. Сама она с нами, конечно, не полетит. Судя по набору продуктов, что она заказала, у любовницы были другие планы на сегодняшний вечер.

Продукты я мог и не покупать — дома холодильники ломаются и от продуктов, и от алкоголя. А ей, видите ли, именно это вино захотелось и именно этот шоколад! Сообщила она мне об этом в своей манере часом ранее:

- Ну Чернов, ну тебе трудно, что ли, послать своего Цербера за шоколадкой, которую хочет твоя девочка? Все равно же он сидит в офисе рядом с тобой целый день, штаны протирает да Верке, секретарше твоей тощей, глазки строит! Ну на крайняк (любимое словечко Кристины) секретаршу свою

пошли, пусть прогуляется, может, заодно очередную, девятую по счету, белую рубашку себе прикупит.

О том, что у Веры есть муж и ребенок, Кристина, конечно же, знала, как и то, что белые рубашки – это было мое требование к офисному дресс коду. Но это для Кристины не было аргументом в пользу того, что и Павел не просто так в офисе сидит, работа у него именно такая – быть всегда рядом со своим шефом.

Самоуверенность девицы и ее капризы стали меня утомлять, но очень уж хороша она была в постельных утехах. С ней я мог и секс-марафон устроить, и так, по-быстрому, разрядку получить. Вот, правда, сегодня по-быстрому вряд ли получится, а это значит, что стопудово взбрыкнет красавица.

- Тьфу, зараза! – выругался, поняв, что употребил одно из словечек Кристины.

Павла я, конечно, в магазин посылать не стал, как не стал просить и Веру. Решил сам пройтись.

Захотелось. Прошелся...

Зацепили меня и этот пацан в магазине, и его отец-алкаш.

Теперь вот в родной город полечу. Ну как в город? Нет, конечно, в ближайший к нему, где есть аэропорт. До родного-то города еще на машине часов пять потом пилить по разбитым дорогам.

Хотя говорят, там новый губернатор дороги прокладывает, может, и к нам уже проложил. Вот и проверим, правда это или нет.

Тьфу! Зараза! Почти двадцать лет, как уехал оттуда, а всё “родной город”, “к нам проложил”...

Глава 6

Алька.

- Ну Масяня, не плачь, моя девочка! Сейчас мы с тобой гулять пойдем! Спать сегодня на воздухе будешь! Смотри, какое сегодня солнышко у нас на улице, и мороз совсем небольшой!

Я, одевая дочку, приговаривала спокойным голосом, успокаивала, а заодно и убаюкивала малышку. Ни один ребенок не любит одеваний на улицу. Вот и Масяня не была исключением.

Конечно, ребенка можно понять — столько одежды, кому ж понравится лежать и потеть, ждать, пока мама и потом оденется. Впрочем, свои хитрости у меня тоже были: я одевалась сначала сама, а уж потом одевала дочку. Но даже то короткое время, пока мама натянет на себя шапку и пуховик, были для маленького ребенка испытанием.

- Так, форточку открыла, фарш из морозилки вытащила, стиралку загрузила, - я проговорила все это по привычке вслух, - все, малыш, идем гулять!

Я распахнула дверь на лестничную площадку, выкатила туда огромную, доставшуюся мне за смешные деньги, коляску с уже лежащей в ней Масяней, и повернулась к двери, чтобы закрыть ее на ключ.

То, что по лестнице кто-то поднимается, я слышала, мыс-

ленно пожелав, чтоб это не была тетка Зина из тринадцатой квартиры. На удивление любопытная особа.

Ну нет у человека личной жизни и, как следствие, видимо, забот. Я-то вот здесь при чем? У меня все хорошо: чудесная дочка Машенька и забот выше крыши.

Да, я мать-одиночка, но это уже только мой выбор, и никого он волновать не должен, включая всех соседей, вместе взятых.

Вверх по лестнице, если судить по шагам, поднимался не один человек. Я подхватила коляску вместе с лежащей там Машенькой и ступила на лестницу, решив, что лучше уж нам с теми, кто поднимается, пролетом ниже встретиться, чем тут, у дверей. Пролетом ниже площадка была не шире, но там не было путающихся под ногами ковриков и внезапно открывающихся соседских дверей.

Да, живя и воспитывая дочку одна, я уже приноровилась таскать огромную коляску сама, тоже одна. Для этого мне приходилось взваливать эту громадину себе на бок.

Правда, на боку у меня из-за этого синел непроходящий синяк, но кто ж его видит, кроме меня?

Я успела преодолеть лестничный пролет, поставила коляску и замерла, ожидая тех, кто поднимался по лестнице.

Солнце сквозь стекло светило мне в спину, а потому лица мужчин, как и их дорогую одежду, я видела прекрасно, а вот они меня, стоящую против солнца, судя по всему, не очень.

То, что случилось потом, напомнило мне кадры из филь-

ма о лихих девяностых: первый из поднимающихся мужчин сунул одну руку себе под пальто, в район подмышки, второй рукой он задвинул за свою мощную спину того, кто поднимался за ним следом, и остановился, сверля глазами меня и огромную коляску, больше похожую на гроб на колесах, чем на средство передвижения для маленького ребенка. Пригвоздил меня взглядом и рыкнул:

- Стой, где стоишь!

- Имя, фамилия, возраст, пол, звание! Всем стоять, бояться! – хохотнула я непроизвольно. - Молодые люди, можно я пройду, а то дочке жарко.

- Алька, ты? – раздался вдруг из-за спины бугая голос мужчины.

В следующую минуту бугая отодвинули в сторону, и по лестнице, в два прыжка, поднялся тот, кого я совсем не ожидала встретить. Ну точно не сейчас, во всяком случае.

- Вовка? – только и успела я выдохнуть его имя.

В следующую минуту меня обняли и, оторвав от пола, приподняли в крепком захвате, который этот мужчина считал дружескими объятиями.

- Чернов, поставь меня туда, где взял! Взрослый мужик, а ничего не поменялось! - буркнула на него ворчливо.

- Алька, как же я соскучился! – бывший мой сосед поставил меня на пол аккуратно, словно я была из фарфора, потом, переведя взгляд на коляску, спросил:

- Погоди, это твоя лялька, что ли?

- Нет, блин, в аренду взяла! Чернов, не тупи! – буркнула я недовольно и полезла под куртку, чтобы поправить прокладку в бюстгальтере. - Медведь!

Бугай, тот, который шел первым, увидев, что я запустила руки под куртку, опять напрягся. Я усмехнулась:

- Да прокладку я в лифчике поправить! Прокладку! Сдвинулась от таких горячих объятий.

Увидев странные выражения, застывшие на лицах мужчин, я пояснила:

- Грудью я еще кормлю, вот подкладываю, чтобы молоко не промочило одежду. Неприятно, знаете ли, по морозу в мокром гулять.

Мужики одинаково крикнули и смутились.

- Алька, ты эту махину сама таскаешь? Одна? Еще и с дочкой внутри? – перевел тему Владимир, кивнув на коляску и лежащего в ней ребенка.

- Как видишь! – я усмехнулась.

- Павел! – бросил коротко Чернов и шагнул к коляске, примериваясь, как бы ее удобней взять.

Я, увидев это, вздохнула и закатила глаза, произнесла насмешливо:

- Нет подобного опыта, да, Вов? Давай уж вдвоем! Я за ручку возьму, а ты впереди хватайся, там, снизу под днищем, за каркас.

- Аль, нас тут три мужика, а ты сама? Отойди, мелочь, справимся! – и с этими словами меня отодвинули в сторону,

скомандовав:

- Павел, давай, хватай впереди, и пошли вниз! Денис, открой дверь из подъезда!

Первым шел парень по имени Денис, потом тот самый бугай, которого, оказывается, Павлом зовут, потом коляска с Масяней, потом Владимир, и замыкала всю процессию я, разговаривающая из-за спины Владимира с дочкой. Именно так нас и увидела тетка Зина.

- Да вашу ж маму! Вот только ее еще нам и не хватало для полного счастья! Готовься, Чернов! – выдохнула я, увидев соседку, застывшую изваянием при виде нашей большой компании.

Владимир, поняв, что, а точнее, кто вызвал это восклицание, рассмеялся:

- Приятно знать, что какие-то вещи не меняются! Здравствуйте, тетя Зин! Как поживаете? Какой сериал сейчас смотрите? Почему нынче греча?

- Вовка, ты, что ль? – соседка подозрительно переводила взгляд с меня обратно на Владимира. - А ты чегой-то? К Альке, что ль, приехал, али к отцу?

- Ну все! Радиопрограмма «Последние сплетни» приветствует вас! – выдохнула я. Наклонившись к дочке, проверила Масяню, и только успокоившись, поздоровалась:

- Тетя Зин, и Вам добрый день! Владимир, мальчишки, спасибо, что помогли вынести коляску. Мы гулять, у нас режим!

- Надолго? – неожиданно остановил меня вопросом Вла-

димир.

- В идеале на час, а там видно будет. А тебе зачем?

- Да на чай хочу к тебе напроситься, вот думаю, успею я до аптеки за гематогеном и презиками смотаться? – губы Владимира подрагивали, явно от сдерживаемого смеха.

Я выдохнула и, мотнув головой, произнесла, оставаясь абсолютно серьёзной:

- Вовка, да ты не переживай, я грудью кормлю, так что на презики не траться. А гематоген бери тот, что без шоколада, лучше классический, - и закусила губу, чтобы не расхохотаться, увидев выражение на лице соседки.

- Ок! Понял, не дурак! – Владимир кивнул, оставаясь по-прежнему абсолютно серьезным. - Давай, идите гуляйте, режим — это святое! А через час я у тебя. Если что, у дверей вас подожду.

Я кивнула и поспешно шагнула прочь от соседки, пока она не задала еще с десятков вопросов. Отошла на безопасное расстояние, отдышалась, успокоилась и обернулась.

Владимир говорил с соседкой, а сам смотрел мне вслед.

Я, пользуясь тем, что соседка стояла ко мне спиной, угрозила другу детства кулаком и увидела, как он, поднеся ладонь к лицу, сделал вид, что закашлялся. Два крепких парня за его спиной синхронно поднесли кулаки к лицам. И эти закашлялись. Ну-ну!

- Смешно им, видите ли! Они сегодня уедут, а мне потом тут жить! Ну, Чернов, придушить тебя мало! – бубнила я

себе под нос, катя коляску с засыпающей в ней Масыней.

Глава 7

Владимир.

Конечно, я видел, что Павел, мой верный помощник и правая рука, удивился.

Да, он знал, что я родился и вырос в этом Запупинске. Приезжали сюда, и не раз. И к отцу постоянно мотаемся, и на озеро.

А вот то, что я могу быть простым в доску с какой-то пи-галицей в китайском пуховике и смешной нелепой шапке – этого он не знал.

Я же, говоря сегодня фразу *«Приятно знать, что какие-то вещи не меняются»*, не кривил душой.

В мой родной город сегодня мы приехали быстрее аж на целых два часа. Слава всем богам и новому губернатору! Порадовались тому, что быстро домчались, чего уж там. Приятно знать, что не все власть предержащие у нас жлобами оказываются.

Встречи с бывшими соседками, Алькой и теткой Зиной, только подняли градус моего настроения. Давно я так не веселился, а главное, давно меня вот так легко, с первой фразы, не поддерживали в шутке. И я сейчас опять же не о Пашке!

Я сейчас об Альке. Со своими женщинами я не шучу, да и не одна из моих любовниц не сумеет так, на лету, схватить шутку и поддержать её. Да, давно мне так легко и душевно

не было, как сегодня с этой мелкой врединой.

Как была мелкой и худой, так такой и осталась. И как она этот гроб на колесах одна таскает? А ведь там же еще и дочка лежит.

Опять же, ни одна из моих женщин не потащила бы вот так коляску, не эту громадину, понятное дело, а навороченную и облегченную, а Алька таскает. И велосипед в детстве сама всегда таскала.

Да, некоторые вещи действительно не меняются. Тетка Зина всегда была любительницей сплетен, а Алька, мелкая, подвижная, как ртуть, всегда могла поддержать любую шутку и ответить на нее так же легко.

Я вспомнил наши с ней детские перепалки, оружие в окно магнитофоны, у кого громче, и одинаковые велосипеды, стоящие в подвале дома.

Велосипеды мы с ней по очереди разукрашивали друг другу в веселые цвета.

Альке было легче, она могла и на синем, и на черном уехать. Лишь хохотала, объясняя в школе, опять же склоняя меня:

- Вовка перекрасил! Спор проиграл, поэтому и покрасил.

А вот мне, серьезному пацану, приехать в школу или в училище на ставшем неожиданно розовым велосипеде, со спицами, увитыми какими-то цветочками, пусть и увядшими, было не к лицу.

Я ругался на Альку и грозился ей отомстить. Эта мелочь

знала, что я выбегал из дома всегда в самый последний момент. Да, в последний, потому что знал - быстро доеду на велике. Я всегда просыпался по утрам тяжело, валялся в кровати до последнего, потом подскакивал, умывался, на ходу пил чай и выбегал из квартиры, спускался бегом в подвал и видел нечто розового цвета, увитое цветочками и ленточками. Понятное дело, что поехать на девчачьем велосипеде я не мог - пацаны бы не поняли, заявись я на розовеньком, в цветочек, так что на учебу я шел пешком.

И ведь когда только успевала пакость соорудить? Не иначе, рано утром.

Понятное дело, я опаздывал, получал за это замечания или даже пропуски – в училище после звонка могли и не впустить в класс. Отрабатывал потом, понятное дело, злился на Альку и придумывал уже каверзу для нее.

Да, были времена... Бесила она меня знатно.

Но была у нас с ней и общая страсть. Мы обожали громко слушать музыку.

Окна наших с Алькой квартир выходили на одну сторону дома и были точно друг под другом, правда, разделенные двумя этажами. Совершенно разная по стилю музыка, одновременно орущая из наших с ней окон и в одну сторону, не раздражала, кажется, только нас двоих.

У меня, понятное дело, громыхал тяжелый рок, у нее «Белые розы» и прочие девчачьи предпочтения.

Соседи ругались, звонили в двери и грозили вызвать

участкового.

Особенно ус

И я ставил, потому что мне и самому она нравилась.

Потому-то и улыбался я сегодня, проходя мимо двери, ведущей в квартиру Альки. Хорошо, что парни не видели моей улыбающейся физиономии, их бы точно удар разбил. Хватит с них того, как мы с ней обнимались и шутками перебрасывались.

Отметил мысленно, что дверь соседка поменяла, поставив новую, а вот резиновый коврик перед квартирой остался прежним.

Странно. Стерся ведь уже почти весь. Что ж муж у нее так мало зарабатывает, что на коврик денег не хватает?

Кстати, а за кем она замужем? Интересно, я его знаю? Алька язва, конечно, но добрая и хорошая. Правильная девчонка, сейчас таких, как она, и не встретишь уже. Эх, повезло мужику...

И все-таки мне интересно, за кого она замуж вышла? Такие, как она, точно кому попало не доверятся, в койку не прыгнут и рожать без мужа не будут.

Однако не похоже, что мужик успешный. Иначе не лежал бы под дверью этот, мать его, стертый коврик.

- Хоть к тетке Зине иди за информацией! – проговорил вслух и рассмеялся.

Сделав себе пометку, узнать за кого эта вредина вышла замуж, пошел выше, на свой этаж.

Я всё еще продолжал улыбаться, вспоминая Альку, когда входил в квартиру отца. Входил и знал, что я здесь увижу -

уже на лестнице были слышны пьяные голоса, доносящиеся из-за двери.

- Да, какие-то вещи не меняются, - признал в очередной раз и открыл рывком дверь в квартиру, где жил когда-то сам, и где так и остался жить отец, категорически отказывающийся переезжать ко мне.

Глава 8

Зашли с парнями и огляделись. Глазам открылась не самая радужная картина: загаженная и вся заставленная пустыми бутылками квартира, грязные и липкие полы, оторванные на углах обои, на межкомнатных дверях отсутствуют ручки.

Да твою ж в душу! Ведь всего полгода тому назад я нанимал фирму, и они делали здесь ремонт. И обои были поклеены, и ламинат был постелен новый, да и ручки во все двери были вставлены.

За столом, стоящим посреди комнаты, сидели мужики в растянутых трениках и грязных, как под копирку, майках. Все дружно повернули к нам головы. Загомонили одновременно тоже все и сразу:

- Какого черта, молодые люди?

- Ты что еще за хрен с бугра?

И совсем уж неожиданное:

- Вы без разрешения проникли на частную собственность!

- О, как! Смотрите-ка, какие грамотные тут господа собрались! Не сборище алкашей, а собрание профессоров, не иначе! - не удержался я от комментария.

Отец, услышав мой голос, сфокусировал на мне пьяный взгляд:

- О, какие люди! Сын к папке соизволил явиться! Вспомнил!

- Павел, этих троих на выход! Проследи, чтоб оделись и не упали в сугробы. Замерзнут еще, не дай Бог! – я, игнорируя пьяные бредни отца, показал, кого именно вывести из квартиры.

- Целый год ни слуху ни духу от тебя, и тут явился, хрен сотрешь! Командуешь, как у себя! – отец был пьян, а потому куражился. - Это мои друзья! Мужики, не слушайте его! Это не его квартира! Я здесь хозяин, а потому привожу в гости, кого хочу. Сейчас Толян подтянется, еще пол-литра принесет.

Собутыльники хоть и косились в нашу сторону, но остались сидеть на своих местах. Еще бы! Впереди маячила халаявная добавка. В том, что выпивку оплачивал мой отец, сомнений не было.

Я, не повышая голоса, а лишь добавив в интонации стали, проговорил:

- На выход, господа собутыльники! Штаны подтягиваем, куртки и тапки не оставляем. Выходим и дорогу сюда забываем! Лавочка закрывается!

Мужики попытались что-то возражать, но Павел сгреб сразу двоих, по одному в каждую руку, и они притихли, поняв, что сопротивляться бесполезно.

Отец что-то орал, ругался, понятное дело, на меня и моих людей, склоняя их на крепком матерном. Старик разошелся в пылу спора и под винными парами не на шутку, он даже вскочил со своего инвалидного кресла.

Я, удостоверившись, что на ногу отца протез пристегнут, отвернулся и окинул взглядом стол. Увидев закуски, опять произнес:

- Ничего не меняется!

На данных застольях *не едят*, еда, как известно, градус выпитого крадет, а потому здесь *закусывают*. Самым дешевым, на что осталось денег после покупки алкоголя: бычки, утопленные в томате, сало, селедка, соленые огурцы, квашеная капуста, хлеб. Даже какой-то салат в майонезе имелся. Надо же! Прямо пир горой у них тут сегодня! Это с чего ж такое изобилие?

Впрочем, ясно, с чего: халяву любят все. А то, что куплено это всё было на батины, а точнее, на мои деньги, тут, как говорится, и к бабке не ходи.

Я вздохнул и потянулся к бутылке водки, стоящей на столе.

Отец, поняв, что я собираюсь сделать с алкоголем, тоже потянулся, пытаясь схватить её первым. Понятное дело, не успел.

Он недолго постоял на шатающихся ногах и рухнул обратно в своё кресло.

Я вылил остатки пойла в раковину и сгреб все это богатство со стола в пакет, который валялся здесь же, на полу, видимо, в нем все это и было принесено сюда кем-то из собутыльников.

Отец продолжал материть меня, наблюдая за моими дей-

ствиями. Я, не вслушиваясь особо в то, что он говорил, шагнул к нему и, перебив, подтолкнул его коляску в сторону ванной:

- Бать, давай ты сам в душ, а потом спать! И я ведь тебя предупреждал о том, что мое терпение не резиновое? Предупреждал. И сегодня оно закончилось. Так что давай, иди в душ и спать, а ближе к ночи уезжаем. И на этот раз ты едешь со мной.

Отец как-то сразу сник и послушно покатыл в душ. Пока он отмокал под струями воды, я набрал номер компании по уборке помещений и, дождавшись ответа, произнес:

- Уборка квартиры. Сегодня. Оплата по тройному тарифу.

Отец выбрался из душевой и, ни слова не говоря, отправился в спальню. Я помог перебраться ему на кровать и потом протянул большую кружку крепкого и сладкого чая. Помня его отходняки, знал, что ему сейчас это необходимо.

Отец хмуро глянул на меня, но чай взял, сделал два жадных глотка и огорошил:

- Без Альки и ее дочки никуда не поеду!

- Чего? – конечно, я удивился, услышав это.

- Чего слышал! Или с ними, или здесь остаюсь! И это мое последнее слово! – отец допил чай, отдал мне кружку и вернулся к стенке.

- Бать, я чего-то не знаю? – попытался выяснить, пока он не уснул.

- Я не могу знать, что ты знаешь, а чего нет! Ты же у нас

крутой перец, вот и найди всю информацию о своей бывшей соседке. Можешь начать с того дня, когда она по беременности на учет встала.

Услышав это от отца, я даже опешил от неожиданности, а он припечатал:

- Я все сказал, а ты меня услышал!

Больше отец не отвечал на мои вопросы.

- Ладно, проспишься, тогда и поговорим, - поставил я его перед фактом нашего неизбежного разговора.

Это было что-то новенькое из его арсенала отказов уезжать со мной. А то, что этот ультиматум отца именно очередная его уловка, чтобы не уезжать - это было ясно как белый день.

С чего бы отцу выдвигать такое странное требование. Алька-то вот тут с какого боку, как говорится?

Отец только-только уgomонился в спальне, и в этот момент Денис что-то шепнул Павлу.

- Что еще? – увидев, что подчиненные перешептываются, взорвался.

- Там Ваша соседка к подъезду подходит. Помочь ей с коляской?

- Сам помогу! Дися, останься здесь. Батя проснется, чаем его еще раз напоишь крепким, с сахаром.

- Понял, Владимир Григорьевич. Сделаю!

- Павел, ты со мной. Поможем девушке!

Павел не имел привычки как-то комментировать мои дей-

ствия, а потому вышел следом за мной из загаженной квартиры отца.

Глава 9

Алька.

Я дошла до своего подъезда и, привычно обращаясь к дочери, проговорила:

- Ну вот, моя девочка, сейчас придем домой, разденемся, и мама тебя покормит. Хорошо?

Дочка гулила в ответ. Почему-то сегодня Маше не спалось, но, слава Богу, она и не плакала. Я, гуляя положенный час и стараясь развлечь ребенка, весь этот час с ней разговаривала.

О чем мамочки говорят со своими крошками, которые еще не понимают многих слов? Правильно, обо всем и сразу. Детки просто слушают мамин голос, впитывая его, и вдыхают, как воздух, мамины эмоции.

Мой голос сегодня звучал тихой радостью — я вспоминала свои и Вовки Чернова проделки. Вспоминала и сама же над ними смеялась.

Вот ведь он же старше, а всё равно велся на все мои пакости, отвечая такими же, безобидными и даже детскими. И ни разу — ни словом, ни действием своим — не обидел меня.

Придумывал прозвища всякие. Совсем не обидные, кстати: «Мелкая», «Девочка-ромашка», «Пичужка», «Агент семьдесят семь».

Ну разве ж это обидно звучало? Нет! Хотя «Мелкая» - да,

тогда это звучало обидно. Почему? Сейчас я бы и сама себе не смогла ответить на этот вопрос.

Я всегда рядом с ним была мелкой - Вовка рано вымахал и, сколько я себя помню, был выше меня на целую голову.

Вот тебе и сын алкоголиков! Кто бы мог подумать несколько лет тому назад, что он сможет «выбиться в люди», как когда-то говорила моя бабушка Лидия Петровна.

Вот бабушка, кстати, всегда защищала Вовку от нападок все той же тетки Зины.

Мы с ним оба были из неблагополучных семей. Моя бабушка не пила, но все моё неблагополучие заключалось в том, что жили мы вдвоем с ней. Моя мама умерла, когда мне было всего два года. Я ее совсем не помнила. Умерла она не своей смертью, но об этом я узнала только в выпускном классе школы. Бабушка не хотела травмировать мою детскую психику знанием того, что мою маму убил мой же родной отец.

Бабушки не стало, когда мне исполнилось двадцать.

За год до этого Владимир ушел в армию и больше в наш город не вернулся. Приезжал вот так, наездами, раз в полгода-год. Пытался и отца своего к себе в столицу забрать, да дядь Гриша противится всегда. У него находится много отговорок, но я его понимаю: здесь прошла вся его жизнь, здесь у него не только друзья-алкоголики, но и соседи по дому, какие-то дальние родственники его жены, которые хоть изредка, но приходят к нему, здесь мы с Машей, а там, в

большом городе, у него, кроме сына, никого больше нет.

Владимир не только выбился там в люди, но стал богат, со слов своего отца, и, конечно же, очень занят.

Я часто захожу к дяде Грише, а также хожу в магазин за продуктами когда он просит. Это случается в те светлые отрезки времени, когда он не пьет.

В такие моменты я помогаю ему с готовкой, а он с удовольствием нянчится с Масяней, отпуская меня в магазин или по делам. Супы дядь Гриша очень любит, я и варю ему их по его просьбе и из его же продуктов. В этом он очень щепетилен. Ест и нахваливает:

- Хорошая ты девка, Алька! Мужа бы тебе еще хорошего! И чего мой Вовка, дурак, не женится на тебе?

Я от этих слов соседа отмахиваюсь:

- Ой, да брось, дядь Гриш! Куда мне до твоего Вовки! Где он, и где мы с Масяней.

А узнав, что я выгнала Жеку, дядь Гриша сказал:

- Хорошо. Молодец, Алька. Вовремя поняла, что Жека твой дурак. И ты, дочка, не смей говорить о себе плохо! Ты у нас только росточком не вышла, но все остальное у тебя в норме. Я хоть и старый ишак, но красивых женщин вижу. Танька вон моя тоже красивая была в молодости.

Дядь Гриша смущенно отвернулся, а я не стала продолжать этот разговор. Выключила плиту под кастрюлей и сообщила бодрым голосом:

- Ну все! Борщ готов! Сейчас налить, или позже будете

обедать?

- Сейчас наливай! Он у тебя так пахнет, что я тут чуть слюной не подавился, пока ждал.

Дверь в квартиру дядь Гриша не запирает никогда.

- Вот помру в запертой квартире, и что делать будете, когда вонь мою почувствуете? Двери ломать?

После того как пять лет тому назад умерла мать Вовки, дядь Гриша, пряча покрасневшие глаза, вдруг произнес:

- Алька, запиши Вовкин номер телефона. Позвонишь ему, когда я помру. Таньке вот моей повезло – легко умерла, а на мне грехов много, я так легко не помру.

Мать Владимира уснула пьяная на скамейке и замерзла - в ту ночь у нас неожиданно ударил первый сильный мороз.

- Дядь Гриш, да какие на Вас грехи, кроме алкоголя? – пыталась я утешить мужчину, но он лишь отмахнулся и продиктовал номер сына. Продиктовал неожиданно по памяти.

Владимир, конечно, приезжал на похороны матери. Похоронил мать, устроил отца в больницу на месяц да нанял бригаду рабочих, чтоб они квартиру привели в божеский вид.

В тот приезд Владимира мы с ним не встретились, не пересеклись.

Хоронил Владимир мать вдвоем с отцом.

Я, конечно, знала, что Татьяна умерла, все-таки в одном же подъезде живем, а вот уже все подробности о ее похоронах узнала от тетки Зины:

- Никого не позвал на похороны! И поминки зажал!

Жмот! Вот правду говорят, что чем богаче человек, тем он жаднее!

- Теть Зин, да кого звать-то? У нее и подруг ведь не было.

- Да хоть бы и соседей позвал! Всю жизнь ведь мы с этими алкашами живем и мучаемся! Скандалы их пьяные слушаем! Скажешь, нет? Одни пьяные крики Татьянины под окнами чего стоили! «Гришенька, муж любимый, пусти меня домой!» Тьфу! Любовь у них, понимаете ли, неземная была!

Тетка Зина очень похоже изобразила голос Татьяны, когда та пыталась докричаться до Григория, стоя на улице под окнами в одном халате. В ответ ей летели тапки из окна их квартиры на пятом этаже, и лишь после слезливых криков жены и ее пьяных признаний в любви к нему, Гришеньке, он высовывался в окно и кричал:

- Клянись перед всем честным народом! Клянись, что не изменяла мне с ... - дальше следовало имя того, к кому на этот раз муж приревновал Татьяну.

Понятное дело, от нее тут же следовали клятвы в любви и верности.

- Иди уже домой! Пользуешься ты тем, что люблю я тебя, дуру слабовольную! - отвечал дядь Гриша, услышав признания жены.

- Сериалы эти их бразильские всем подъездом слушали! – продолжила тетка Зина. - Ремонты по их милости делали!

Справедливости ради надо сказать, что Татьяну муж выгонял часто, но всегда только в теплое время года. Ремон-

ты – это да, было несколько раз, когда Черновы затапливали весь стояк подъезда. Но, опять же, тетку Зину те потопа не затрагивали, так как жила она с Черновыми на одном этаже, через квартиру от них.

Сидеть на поминках человека, самолично загнавшего себя в могилу, я не хотела, поэтому все равно не пошла бы, даже если бы вдруг Владимир и решил их устроить. Выслушивать льстивые и лживые слова все той же тетки Зины или других соседей мне хотелось меньше всего, да и токсикоз выматывал меня жутко.

В тот год Владимир похоронил мать, а я потеряла ребенка, нашего с Жекой ребенка – у меня случился выкидыш.

Владимир приезжал еще не один раз после смерти матери, но я или работала, или просто была вне дома, а в последний его приезд лежала в больнице, в этот раз на сохранении уже с Машей.

Лежала и надеялась, что приедет или хотя бы позвонит.

Приезжал, да только не ко мне...

Вот, кажется, и ходили мы с ним по одним и тем же лестницам и мимо одних и тех же дверей, а не сталкивала нас судьба.

И вот вдруг эта сегодняшняя встреча. Я была рада видеть Вовку. Все-таки у нас с ним было много разных моментов и стычек, которые сейчас, спустя годы, вспоминаются со смехом. Когда-то в детстве я его люто ненавидела за то, что, дразня, называл меня «Мелкой», и вредила ему за это как

могла. Впрочем, он отвечал мне тем же. Хотя нет, колеса он мне на велике всё же не прокалывал.

А о том, что был у нас с ним еще один, скажем так, эпизод в жизни, я не хотела вспоминать. Ну было и было, подумаешь!

Тем более, что сам он никак после той ночи не напоминал о себе, не навязываться же мне было ему самой, верно?

- Как погуляли?

Владимир стоял у входа в подъезд, только вот взгляд его был сейчас другим. Тех веселых искр не было и в помине, и я догадывалась почему. Дядь Гриша пил уже три дня, и к нему опять таскались собутыльники.

Тетка Зина все эти же три дня вызывала полицию ежедневно.

Сам дядь Гриша, понимая, что у него «началось», так свои запои называл он сам, категорически запрещал мне к нему приходить в эти периоды. После того как «отпускало», говоря его же словами, он сам мне звонил с одной лишь просьбой:

- Аля, доча, свари мне соляночки, а?

И я, конечно, варила, а заодно уж и уборку делала.

Обычно его запои длились дней пять, но в этот раз, благодаря внезапно прилетевшему сыну, всего три. Это хорошо, значит, будет легче приходить в себя.

Дядь Гриша, трезвея, плакал, извинялся за грязь и всякий раз обещал, что этого больше не повторится. Я сочувственно

вздыхала, делала вид, что верю, варила жирный суп и отпалавала крепким сладким чаем.

В этот раз Владимир приехал в самый разгар запоя, а потому застал еще и пьяных собутыльников, и грязь в квартире, и еще наслаждающегося своим состоянием отца. Вот поэтому-то и не было сейчас веселья в его глазах.

Проигнорировав вопрос о нашей с дочкой прогулке, я спросила:

- У отца был?

Владимир кивнул и тяжело вздохнул.

- Ясно. Вов, поможешь коляску наверх затащить? А я тебя и твоего помощника за это борщом накормлю.

- Умеешь уговорить мужчину! – Владимир усмехнулся. - Павел, когда ты в последний раз ел домашний борщ? Лично я очень давно! Алька, дуй вперед, двери нам открывай.

Перед тем как рвануть в квартиру, я обратилась к дочке со словами:

- Масяня, это дядя Вова. Он хороший. Смотри, он тебе улыбается! – Владимир послушно начал улыбаться моей девочке. – Этот дядя понесет твою карету, а мамочка побежала открывать вам двери. Ты ведь не испугаешься, правда, моя хорошая?

Моя красавица заулыбалась в ответ.

- Умница! – похвалила я дочку и обратилась уже к Владимиру:

- Вов, улыбайся, пожалуйста, пока будешь её нести, лад-

но? Она у меня не привыкла к мужскому обществу, только твоего отца и знает!

И пока мне не прилетел в спину вопрос о муже, я побежала открывать дверь.

Бежала вверх по лестнице открывать квартиру, а по пути вспоминала, не валяется ли где на виду моё нижнее белье. Неряхой я не была, но с маленьким ребенком, да живя одна и зная, что никто чужой к тебе не придет без предварительного звонка, всякое может быть.

Глава 10

Владимир.

От открывшейся внезапно информации я опешил, но Алька убежала открывать квартиру, и поэтому, решив, что непременно всё узнаю, но чуть позже, я не стал её останавливать.

Что значит: «Она не привыкла к мужскому обществу»? А где же счастливый глава семейства? Где отец ребенка?

Откуда маленькая девочка знает моего отца-алкаша, да еще так хорошо, что не боится его? Алька, что же, общается с моим отцом? Похоже, что общается, раз даже маленький ребенок его знает и не боится.

Так. Стоп! Алька ходит к моему отцу? В этот гадюшник? Зачем? Ну точно ведь не бухать вместе с ним! Тогда зачем?

Мы с Павлом тащили коляску, а я еще и послушно улыбался ребенку. Черт, никогда не знал, как вести себя с маленькими детьми!

Первым шел Павел, а потому именно он и рванул, услышав где-то в квартире сдавленный возглас Альки. Но рванул только после того, как аккуратно поставил коляску на лестничной площадке.

- Что? - услышал я голос Павла в распахнутой настежь двери.

- Масынина игрушка! – Алька, видимо, что-то показывала

Павлу и объясняла. - Я не увидела. Поняла, что наступила на что-то, не хотела ломать игрушку, и вот!

Следом я услышал голос Павла и его короткое, предназначенное для меня:

- Чисто!

Мог бы и не сообщать. Понятно, что не могло там у Альки быть засады. Откуда бы здесь-то? Понтуетса, не иначе, мой крутой охранник. Только вот перед кем? Не перед Алькой же?

Я, наклонившись к девочке и продолжив держать улыбку на губах, прошептал, прежде чем взять её на руки:

- Ты не пугайся, я тебя сейчас на ручки возьму, хорошо? Ты ведь не испугаешься, правда, малышка?

Да вашу ж мать! Никогда не думал, что буду сюсюкать с маленьким ребенком.

От девочки пахло чистыми вещами и чем-то сладким. Точно! Алька же говорила, что кормит грудью. Так это и есть тот пресловутый запах ребенка, что ли?

- Но нам же надо узнать, что там с твоей мамой случилось, да? Так что ты уж не подводи меня, не плачь, ладно? - пытался я, как идиот, договориться с маленьким ребенком.

Масяня не подвела. Не испугалась, издала какой-то странный набор звуков, когда я её взял на руки, и продолжала улыбаться мне во все свои несколько зубов. Крошка улыбалась и пускала слюни.

Это было странно, но отторжения у меня детские слюни

не вызывали. Все мы когда-то такими были, и, кстати, катали нас почти в таких же нелепых колясках. Где только Алька раздобыла это старье?

- Какая ты, оказывается, храбрая девочка у нас! Не испугалась чужого дядю.

Нет, я точно старею! Никогда не думал, что буду держать маленького ребенка на руках и продолжать нести всю эту чушь на полном серьёзе.

Я вошел в квартиру и застал следующую картину: Алька сидела на пуфике в узком коридоре в одном ботинке. Перед ней, опустившись на одно колено, сидел Павел и стягивал с нее носок.

Алька сидела вся пунцовая, а мой взгляд зацепился за её маленькую стопу, что целиком утонула в руке моего помощника.

Надо сказать, что мне эта картина не понравилась. Со всем.

Да что за ерунда сегодня со мной творится?

Пашка же не просто так лапает Альку за изящную лодыжку, аккуратно поворачивая ту в разные стороны.

Нет, умом я осознавал - он пытается понять, что случилось, но где-то внутри меня, очень глубоко внутри, мне не нравилось то, что я видел. Рыцарь, твою маму!

- Что? - спросил, обращаясь к Павлу.

- На первый взгляд растяжение связок. Но рентген бы надо сделать, чтобы точно знать, - ответил, продолжая держать в

своей огромной лапе маленькую ножку Альки.

Мать моя женщина! Это ж какой у неё размер стопы? Где ж она обувь-то себе покупает? В детском отделе, что ли?

Алька сидела и молчала, полыхая маковым цветом, став еще более алой, когда мы с Павлом одновременно на нее посмотрели.

Ребенок в моих руках завоzilся, привлекая внимание к себе.

- Когда Масыню кормить? - задал я вопрос как заправский нянька.

- В идеале сейчас. Но надо еще памперс ей поменять.

Алька ответила мне, не задумываясь, и странно посмотрела на нас с девочкой, переводя взгляд с ребенка на меня и обратно.

Пашка, кстати, точно так же сейчас посмотрел на меня и на ребенка. Даже вон бровью дернул, многословный ты наш!

Если его удивление я еще мог понять, детей в моих руках отродясь не бывало, то Алька-то почему так странно реагирует? Удивлена тем, что дочка не плачет? Видимо, да.

Алька попыталась встать, но я, сам того не ожидая от себя, выпалил:

- Куда? Сиди! Сам поменяю. Скажи только, где ты свою принцессу раздеваешь? Где у тебя пеленальный столик стоит?

Черт, откуда я знаю, что должен быть пеленальный столик, а? А мне уже несется в спину:

- В спальне! Вов, там памперсы в верхнем ящике! Спра-
вишься? Не побрезгуешь?

- Поверь, дерьма я в своей жизни много разгреб, так что ж,
я с детской неожиданностью не справлюсь, что ли? - заявил
уверенно и, сняв туфли, прошагал в спальню.

Странно, но предстоящий процесс смены полного пам-
перса отторжения у меня не вызывал. Если уж я за отцом-ал-
коголиком блевотину убирал, то уж от запаха детской неoji-
данности точно не умру.

В спальне я огляделся, увидел старый письменный стол,
скорей всего еще Алькин. Видимо, он-то и выполнял роль
пеленального столика.

Странно, время в этой квартире как будто остановилось.
Я помню эту мебель советских времен. В моем детстве такая
же была в квартире родителей, хотя тогда у половины города
были и такие шкафы, и такие письменные столы у школьни-
ков.

Надо отдать должное Альке, у нее везде была почти сте-
рильная чистота, в моем детстве такой чистоты отродясь не
бывало.

- Мне бы руки помыть, Аль, - крикнул, уложив ребенка
на стол.

- Вов, там антисептик стоит, достаточно им руки протер-
еть.

Отлично, антисептик, значит. Я быстро скинул пальто на
стоящий рядом стул, протер руки и начал раздевать малыш-

ку, проговаривая каждое свое действие.

Малышка улыбалась и даже что-то отвечала мне на своем детском.

Пока менял памперс, слышал фоном, что Павел о чем-то говорил с Алькой, носил её, кажется, на руках в туалет и обратно. Вот тоже нянька номер два выискался.

А Алька молодец, не растерялась! Командует двумя взрослыми суровыми мужиками и в ус не дует. Узнаю свою ершистую соседку. Всегда была мелкая, как воробышек, и колючая, как ёжик, но всё равно добрая. Фыркала и кололась не ядовито. И почему я вёлся на все её подначки?

Я улыбнулся, окунувшись в нашу с Алькой юность, и усмехнулся своим мыслям. Хорошо, что их никто не слышит. Кому сказать, что мне нравится моё нынешнее состояние, точно решит, что я умом тронулся! Видела бы сейчас меня Кристина!

Почему-то при воспоминании о любовнице и о скандале, который она закатила, когда узнала, что я улетаю к отцу, меня передернуло. Вот её я точно не могу представить подтирающей попку грудному ребенку, впрочем, как и таскающей коляску.

Пожалуй, пора красавицу в отставку отправлять. Зачем мне рядом женщина, с которой нет такой легкости в общении?

Тем временем слышу насмешливый голос Альки:

- Принцесса готова!

Ага, значит, могу выносить Масыню к маме.

- Ну что, малышка, готова приступить к трапезе? - продолжая ворковать с ребенком и выхожу в большую комнату, где на диване сидит Алька в ожидании дочки.

Оторвался от воркования с ребенком, посмотрел на Альку и опять напоролся на её странный взгляд. Да что не так-то? Ну да, самому странно, но не так уж я и безнадежен, вообще-то!

И Пашка опять смотрит слишком внимательно. Этот-то с чего опять?

- Памперс переодели, ползунки тоже поменяли, к трапезе готовы! - пытаюсь шутить, передаю ребенка Альке и слышу:

- А вы, мальчики, уж сами теперь там хозяйничайте на кухне, раз я на ногу не могу встать. Вов, борщ в холодильнике. Дальше, думаю, сами там разберетесь!

- Разберемся, не переживай.

Прихватил Павла, и мы с ним ретировались на кухню. Едва вошел в это крохотное пространство, как тут же приложился лбом о шкафчик, висящий над столом. Выругался сквозь зубы, но Алька всё равно услышала:

- Отвык от наших кухонь, да, Вов? - и хохочет. Смешно ей там, видите ли!

- Да уж! Передом вошел, задом вышел, - констатировал очевидное, оглянувшись в поисках микроволновки, понял, что её нет, и обалдел.

- Алька, а ты на плите, что ли, еду греешь?

- Ну как видишь, мне же ее и поставить-то там некуда.

И ведь прозвучало это у нее без какого-либо контекста, просто как факт. И тут же ехидное:

- А ты забыл, как пользоваться газовой плитой?

Ну, мелочь ехидная!

Зачем мы с Павлом выперлись в комнату, уже не важно. Важно было то, что, увидев Альку, кормящую грудью, зависли мы с ним оба. Знатно так подвисли.

Алька не видела нас, смотрела на дочку и улыбалась ей, а подняв наконец взгляд, покраснела и потянулась за пеленкой, что лежала тут же, на спинке дивана. Прикрылась сама, укрыв и чмокающую Машеньку.

Я стоял, смотрел на Альку, кормящую грудью, и понимал, что ведь много чего повидал в своей жизни: кровь врагов, смерть друзей, предательство любящих, как я считал, женщин, подставы конкурентов – этого выше крыши, а кормящую грудью женщину — нет, ни разу в жизни не видел. И Пашка, судя по его застывшей физиономии, тоже впервые видел подобное.

И только сейчас я осознал то, насколько моя жизнь однобока.

Деньги, машины, дома, дорогие шмотки, дорогие же телки рядом, оттюнингованные на суммы, ничуть не меньшие, чем мои тачки - этого добра навалом, а настоящей женщины, умеющей таскать коляски, варить борщи и не брезговать стариком-алкоголиком, такой рядом нет.

М-да-а-а... Докатился...

Может, правда увезти Альку с Масяней к себе? Не сильно-то она и потеряет, согласившись уехать от этой если не нищеты, так бедности.

Надо только с батей, как проспится, поговорить на эту тему. Он-то вот с чего вдруг мне это условие выдвинул?

Глава 11

Алька.

Ладонь у Павла была горячая и большая, вся моя стопа почти детского размера целиком уместилась в его руке.

Я с ужасом наблюдала за тем, как мужчина стягивает с меня носок.

“Боже, хорошо, что я перед прогулкой чистые надела! - пронеслось в мозгу шальной пулей. - Нет, ну вот как меня угораздило так, почти на ровном месте, а?”

Павел, казалось, совершенно не смущался тем, что делал: снял носок и, обхватив мою стопу своей горячей рукой, начал аккуратно поворачивать многострадальную конечность то в одном, то в другом направлении. В одном из положений я судорожно вздохнула.

Мужчина, казалось, совершенно не удивился, потому что кивнул своим мыслям, и ровно в этот момент в квартире появился Чернов с Масяней на руках:

- *Что?* – задал он короткий вопрос, но не мне, как можно было бы этого ожидать, а Павлу.

- *На первый взгляд растяжение связок. Но рентген бы надо сделать, чтобы точно знать,* - ответил так уверенно, будто имел медицинское образование.

Я так и сидела на пуфике, моя оголенная конечность пяткой лежала на колене Павла, его горячая рука лежала на ло-

дыжке, даря тепло и даже как будто бы снимая боль.

Я не знала, куда себя деть от смущения, думала только о том, как бы мне вытащить ногу из-под руки Павла, но тут оба мужчины посмотрели на меня одновременно.

Ну что сказать? Теперь я знаю, что от моих щек можно прикуривать!

- *Когда Масыню кормить?* – Вовка спас положение правильным вопросом. И спросил он это таким деловым тоном, будто являлся няней у моей малышки.

Хотя, может, у него есть ребенок такого же возраста? Я же не знаю ничего о нем.

Хотя нет, вряд ли у него есть ребенок, иначе бы дядя Гриша непременно уже рассказал мне об этом.

- В идеале сейчас у нас время кормления. Но надо сначала памперс после улицы поменять, - я ответила в тон новоявленной няне и попыталась встать с пufика.

- *Куда? Сиди! Сам поменяю,* - последовал окрик мне и короткий кивок на меня Павлу.

Что? Сам? Вот этот шикарный мужчина в дорогом кашемировом пальто не чурается менять памперс ребенку? Чуждые дела твои, Господи!

Пока я ехидничала в своих мыслях, на яву меня подняли на руки так легко, словно бы я ничего не весила. От неожиданности я ухватила за шею Павла, вцепившись в неё как в спасательный круг.

Нет, ну ты смотри, каков силач! Держа меня на весу, Па-

вел разулся без помощи рук и прошел в комнату.

Вовка, лишив меня возможности рефлексировать на тему моего сидения на ручках у мужчины, которого я вижу в первый раз в жизни, спросил:

- *Аль, где ты свою принцессу раздеваешь? Где у тебя пеленальный столик?*

Может, дядя Гриша не знает о том, что у него законный внук там, в столицах, подрастает? Откуда бы Вовке знать о такой мебели в интерьере, как пеленальные столы? У нас с Масыней роль такого стола исполнял мой школьный письменный стол. Какая разница ребенку, в самом деле, на каком столе его переодевают, верно?

- *Вов, там памперсы в верхнем ящике!*

Ох, вот сейчас Масыня задаст рёву! Она терпеть не может этого всего одевания-раздевания!

Однако, я вслушивалась в тихие разговоры, доносящиеся из спальни, и не верила своим ушам - Вовка разговаривал с Масыней, а она ему что-то отвечала на своем детском. И ни одного хныка! Вот даже недовольного писка не раздалось!

Ну, доча! Ну, хитруля!!

- Куда тебя посадить? Где ты обычно дочку кормишь? – услышала я вопрос Павла, который, оказывается, так и продолжал держать меня на руках, замерев посреди комнаты изваянием.

- Здесь и кормлю. Только мне бы раздеться!

Павел опустил меня на диван так аккуратно, словно я бы-

ла из хрусталя, так же аккуратно устроил мою поврежденную ногу и потянулся к куртке со словами:

- Я помогу раздеться.

Прозвучало это двусмысленно, но краснеть я уже не могла, дальше просто было некуда. Да сколько ж можно? В конце концов, мы тут все взрослые люди. Мужик мне помочь пытается, а я, понимаешь ли, двусмысленность везде слышу и вижу!

Павел помог мне снять куртку, второй ботинок и замер в растерянности, явно не зная, что делать.

- Мне бы в ванную надо! – заявила я с самым независимым видом.

- Зачем?

- Отгадай с трех раз! – усмехнулась и попыталась встать с дивана.

- Куда? - одернул меня резко, но мягко. - Я отнесу.

И меня опять подхватили на руки и отнесли в ванную, она же туалет.

И даже не к двери поднесли, а внутрь занесли.

Что я там говорила о том, что дальше краснеть уже невозможно? Очень даже возможно, как оказалось. Просто на тот момент я еще в собственном туалете, сидя на руках у мало-знакомому мужчине, не оказывалась!

- Можно здесь и выгружать уже, – съязвила на волне самозащиты. Со мной так всегда было. - Как видишь, ванная, она же туалет, небольшая, так что спасибо, но дальше я сама

справлюсь!

Меня так же аккуратно поставили на пол и отдали распоряжение:

- Как закончишь, зови. На ногу не вставай!

- Слушаюсь, пока при Вас! – буркнула уже в закрывшуюся за мужчиной дверь. Так странно я себя, пожалуй, еще никогда в жизни не чувствовала.

Сделала свои дела, вымыла руки, обмыла грудь, подготавливая её для Масяни, и лишь потом распахнула дверь.

- Принцесса готова! – сказала громче, чем требовалось.

Откуда ж я могла знать, что этот медведь так и будет под дверью торчать, меня ожидаючи? Только вздохнула, поймав его взгляд на мою футболку, на которой все-таки появилось пятно от выступившего у меня молока.

Ну да, время кормления, молоко пошло.

- Я готова проследовать до дивана и приступить к кормлению дочери! - дурачась, произнесла капризно, как и положено принцессам.

И ведь ни капли раздражения не проступило на лице у мужика! Вот это я понимаю, кремьень!

Вовка вынес из спальни улыбающуюся Масяню. Ну вот как так-то, а? Почему она ему не закатила истерику голодного тигренка? Получаю свое сокровище в руки, она тут же начинает жадно шарить по моей груди ручками, и команду мужикам, а фактически — выпроваживаю их из гостиной. Не при них же мне тут оголяться?

- А вы, мальчики, сами там хозяйничайте на кухне, раз уж я на ногу не могу встать. Вов, бориц в холодильнике! Дальше, думаю, сами там разберетесь!

Услышав, как мужчина сдавленно ругнулся, явно обо что-то ударившись, усмехнулась:

- Отвык от наших кухонь, да, Вов?

- Да уж! Передом вошел, задом вышел. Алька, а ты на плите, что ли, еду-то греешь? Микроволновки нет у тебя?

- Ну как видишь, мне же ее и поставить там некуда. А ты забыл, как пользоваться газовой плитой?

Я препиралась с Вовкой, а сама следила за тем, как Масыня сосет, причмокивая и положив свою ручонку на грудь.

Я не сразу обратила внимание на то, что в квартире наступила тишина, а подняв глаза от дочери, увидела, как два взрослых, дорого одетых мужика стоят и смотрят на то, как я кормлю грудью. Да, пальто они сняли, но под ними оказались в обтягивающих джемперах и слишком простых классических джинсах.

И эти тонкие джемпера, и обманчивая простота джинсов кричали о высокой цене одежды.

Я никогда не была падкой на красивые и дорогие шмотки.

- Не до жиру. Быть бы живу! – так приговаривала бабушка.

И я не жировала. Но увидев сейчас двух красивых мужчин в дорожной одежде, кажется, впервые в жизни я постеснялась и своей дешевенькой одежды, и убогой обстановки квартиры.

А еще, глядя на этих шикарных мужчин, я вдруг вспомнила, что секс в моей жизни был как раз два с половиной года тому назад.

Вот с одним из этих красавцев и был.

Глава 12

Алька.

Увидев его крепкую, обтянутую тонким джемпером из кашемира фигуру, я поняла, что опять покраснела. В памяти всплыли поцелуи, чувственные ласки, горячий шепот в темноте спальни, освещаемой лишь полной луной, стоны, одно на двоих дыхание и его сдавленное рычание на пике.

Вспомнив нашу единственную с ним ночь, я невольно сжала бедра. Почти два года прошло, а я до сих пор помню, кажется, всё в мельчайших деталях. Ох, ёлки...

Протянула руку за пеленкой, что так кстати лежала на спинке дивана, и прикрыла ею свою оголенную грудь и причмокивающую Машню.

Да, я снова покраснела, вспомнив нашу с ним бурную ночь в доме у озера. Кажется, красный цвет - это теперь постоянный цвет моего лица.

Плод этой ночи сейчас лежал у меня на руках и громко причмокивал.

Я ничего не забыла, а вот он вел себя так, будто не было у нас той жаркой ночи, будто связывали нас только воспоминания далекой юности.

Я ни о чем не жалела и не жалею. Если бы не та ночь, не было бы сейчас у меня моей доченьки.

Такого секса у меня ни до, ни тем более после не было ни

разу.

С Жекой у нас было пресно, быстро и всегда одинаково. Моя инициатива в сексе им пресекалась, а его самого всё устраивало.

Подтверждением того, что в ту ночь крышесносно, до дрожи во всем теле, было не только мне, но и Вовке, стали его слова, что он выдохнул потом, когда мы лежали рядом, обессиленные после нескольких оргазмов подряд:

- Пичужка, как же я тебя сразу-то не рассмотрел, а?

Странно, но почему же он не хочет признавать этого сейчас? Забыл? Не придавал той ночи того же значения, что и я?

Похоже на то...

Обидно, конечно, понимать, что я для него всего лишь одна из многих женщин. Как там в старом анекдоте было?

“- Дорогой, ты *вчера* обещал жениться на мне!

- Мало ли что я обещал *на тебе!*”

Вот у нас с Вовкой, видно, как в том анекдоте всё и получилось.

Я никогда и никому не навязывала свое общество до этого дня, не буду делать этого и впредь. Хорошо, что я не стала ему звонить с сообщением о том, что беременна. Не хочет он помнить этого, и не надо!

В конце концов, бабушка же вырастила меня одна, значит, и я справлюсь, выращу Машеньку и без его помощи.

Уже рашу.

Работаю на удаленке, нам с Машенькой хватает. Не шикую,

но и с голоду не умираем. Опять же соседи и вещей детских вон для Масыни полный шкаф отдали, и коляску.

Ничего, прорвемся, моя девочка! Мы с тобой сильные!

Я кормила дочку и мысленно разговаривала сама с собой. От обиды, что Вовка ведет себя со мной так, будто и не было у нас с ним той ночи, хотелось пореветь. Нет, сначала высказать ему всё, а потом пореветь! Но уже после того, как эти шикарные мужики уйдут из моей квартиры, а еще лучше — совсем уедут. Туда, где и живут, и бабки зарабатывают. Вот потом да, можно и пореветь.

И только я успокоилась, как в квартиру позвонили.

Странно. Я никого не ждала. Подруга, прежде чем прийти к нам с Масыней в гости, сначала позвонит или напишет, предупредит о визите и обязательно спросит, надо ли что-то купить в магазине.

Соседи, зная, что у меня маленький ребенок, стучат, боясь разбудить Масыню. И вдруг звонок.

- Аль, ждешь кого-то? - оба мужчины подобрались, тут же превратившись в опасных хищников.

- Нет. Не жду.

Вовка остался стоять, где стоял, а Павел скользнул к входной двери.

Как у него, с его ростом и комплекцией, получилось подойти к двери по скрипучим доскам пола бесшумно? Даже я со своим телячьим весом громче топаю, честное слово!

Павел тем временем уже вернулся в комнату и, обращаясь

сразу и ко мне, и почему-то к Вовке, отпрапортовал:

- Мужчина. Рыхлый, белобрысый, в левом ухе серьга, одет в желтый пуховик, в руке три гвоздики.

- Чего? - вырвалось у меня непроизвольно.

В описании мужчины я узнала Жеку. Вот уж его я точно не ждала!

Последний раз он был здесь на следующий день после празднования моего дня рождения. Заявился мой несостоявшийся муж к вечеру и попытался выпытать у меня то, где я провела ночь и почему уехала на день раньше с озера. Помнится, я, услышав это, в первую секунду даже опешила.

И сейчас, услышав от Павла о том, что Жека стоит под дверью, медленно вдохнула и так же медленно выдохнула, воспоминания того дня нахлынули на меня волной:

- Где ты была? Я искал тебя всю ночь! - заявил он, едва я открыла дверь.

Как же я в тот момент порадовалась тому, что не прописала его по своему адресу.

- Плохо искал, - я подтащила двухсот литровый мешок, набитый плотно, почти под завязку, вещами Жеки, и поставила его между нами.

- Я собирался звонить спасателям!

- Зачем?

- А вдруг ты утонула!

- Позвонил? - я подперла мешок ногами, чтобы он не заваливался.

- Они берут штраф за ложный вызов. У меня нет лишних денег.

- О как! А если бы я правда утонула?

Жека предпринял попытку пройти в квартиру, но я стояла на месте как скала, не давая ему этого сделать.

- Это что? - опешил мой несостоявшийся муж.

- Труп твоей бегемотихи!

Жека неожиданно сбледнул с лица и кинулся раскрывать мешок.

Интересно, он правда думал, что там труп?

- Ты больная? - выдохнул с облегчением, когда увидел, что в мешке его вещи.

- Да нет, Жень, похоже, что это ты здесь болен, если и правда решил, будто внутри может быть труп твоей подруги детства, - я сложила руки под грудью.

- Ты меня выгоняешь? - отчего-то не поверил он в искренность моих слов. - Совсем?

- Нет, блин, на время! Жень, ты же не думаешь, что я тебя прощу после того, что вы там устроили?

- Алька, ты дура? - он даже театрально рассмеялся.

Смотрите-ка, какие тут скрытые таланты пропадают, оказывается!

А Жека продолжил:

- Нашла к кому ревновать! Это ж Ксюха! Она ж мне как сестра!

- Жень, инцестом пахнет.

- Ну как друг! - предложили мне новый вариант.

- Что-то с другим другом детства, этим твоим Гариком, ты сексом не занимаешься, Жень. Или я чего-то о тебе не знаю?

- Нет, ты точно больная! - Жека скривился, видимо, представив своего закадычного друга на месте своей же подруги детства.

- Ну вот теперь ты мне и скажи, Жень, зачем тебе больная женщина рядом? Вали к своей здоровой! Заметь, и в плане психического здоровья, и в плане физического.

- Чего?

- Ничего, Жень, уже ничего! Вспомни свои же слова и обвинения. Будем считать, что я худая исключительно по причине болезни. Иди уже отсюда подобру-поздорову, а то вон дядь Грише пожалуюсь, а он — своему сыну. Тебя закатают в асфальт, и не говори потом, что я тебя не предупреждала!

Отец Вовки как раз поднимался по лестнице, ковыляя на протезе и опираясь на свой костыль сильнее обычного. Не иначе в магазин ходил.

Жека дядю Гришу не видел, а потому выплюнул:

- Кому?? Этому алкашу? Да и где этот его сын? Ты правда веришь, что он примчится по первому звонку своего папаши-алконавта? - Жека попытался было рассмеяться, но был остановлен грозным окриком:

- А ну хавальник свой закрыл и свалил отсюда со своими манатками нахрен!

Я бы от такого точно убежала. Не думала, что дядя Гриша

так может. Вот и Жека от неожиданности дернулся, подхватил мешок с вещами и бочком, вдоль стеночки, протиснулся мимо дяди Гриши. Спустившись на один лестничный пролет, крикнул, уже стоя на безопасном расстоянии:

- Сама же прибежишь мириться, ненормальная! Через неделю уже и прибежишь!

- Алька, не вздумай! - предостерегающе проговорил мне Вовкин отец, услышав слова Жеки.

- И не подумаю, дядь Гриш! - заверила я его тогда.

Слово я свое сдержала.

Ни через неделю, ни через месяц я не пошла к Жеке. А когда поняла, что беременна, то и подавно мне стало не до него. Он, к слову, тоже не приходил все это время. И вот вам, здравствуйте! Нарисовался, и именно сегодня!

- Аль, ты знаешь его? - вернул меня в реальность голос Вовки.

- Думаю, да, Вов, знаю. Это мой несостоявшийся муж нарисовался.

- О как! - Чернов хмыкнул и сверкнул почерневшим в миг взглядом. - Понятно! Паш, запускай папашу! В другой раз домашнего борща поедим!

Глава 13

Владимир.

- З-зд-зд-здрасьте, - проблеяло это недоразумение, входя в квартиру.

А Павел точно его описал: рыхлый. И сам из себя урод, и цветы уродские купил. Гвоздики! На кладбище шел или к любимой женщине?

Да ну нахрен! Быть не может, чтобы Алька и вот этот недопират были вместе!

Смотрю на это пугало с серьгой в ухе и перевожу взгляд на Альку, пытаюсь представить их вместе, и понимаю, что не могу этого даже мысленно сделать. Но раз он пришел, да еще с цветочками, значит, на что-то надеялся? Раз надеялся, значит, предполагал, что может быть прощен?

Нет, я никогда не пойму женщин!

В голове не укладывается, как моя пичужка, которую я помню, и это пугало могли быть вместе? Жить, спать в одной кровати, заниматься сексом? Да ну нахрен! Быть этого не может!!

Алька же тем временем, не глядя ни на кого из нас, поправляет футболку под пеленкой, аккуратно скидывает её с груди, и я вижу, что Масыня, наевшись, уснула.

Алька, устроив дочку на сгибе локтя, попыталась было встать, но охнув, рухнула обратно на диван.

Твою ж в душу! Ну мелочь ершистая!

Тихо, стараясь не разбудить Масыню, шиплю на Альку:

- Сказали же тебе! Не вставать на ногу!

Павел подскакивает и, прежде чем она заваливается на бок вместе с дочкой, подхватывает её и помогает сесть ровно.

Да какого ж хрена он её лапает-то?

- Вов? - слышу шепот Альки и ловлю ее вопросительный взгляд.

Раньше, чем она еще что-то успела сказать, я понимаю, чего она от меня хочет. Подхожу и аккуратно забираю девочку из рук матери. Сделал это не задумываясь. Черт, ну вот откуда я знаю, как именно надо держать маленьких детей?

Ухожу с Масыней в спальню и слышу за своей спиной визгливо-истеричное:

- Алевтина, как всё это понимать? Кто эти мужики, и что они делают в нашей квартире?

Ребенок в моих руках, услышав этот петушиный вопль, дергается и хмурит лобик во сне.

Урою гада, если разбудит сейчас малышку!

- Ч-

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.